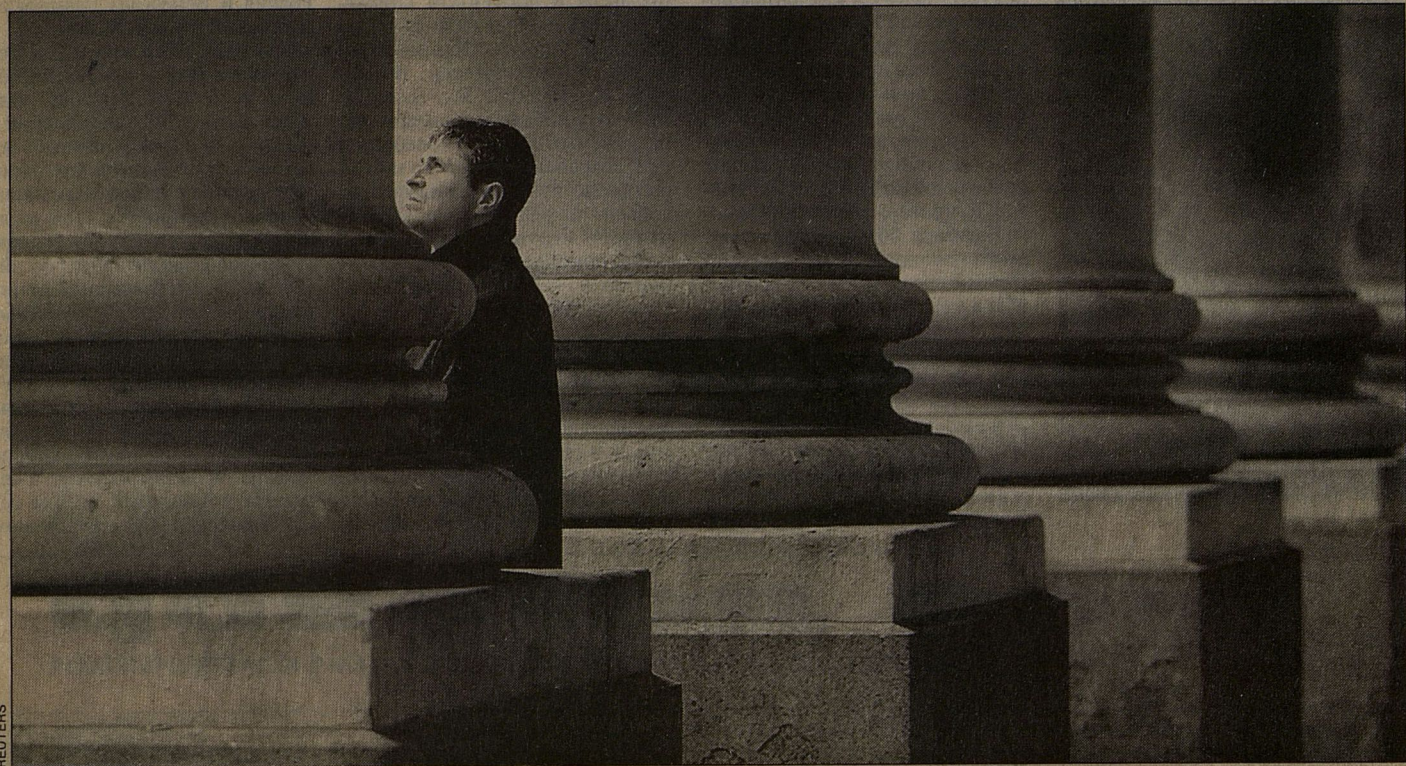

Кризис

среднего возраста

Кристиан КРАХТ:

Известия - 2001 - 15 дек. - с. 6.

Иногда нужно порезаться, чтобы понять, что ты еще жив

«Я слишком богат, чтобы давать интервью», — так ответил однажды Кристиан Крахт на мольбу немецкого журналиста выслушать его вопросы. После выхода в 1995 году его первого романа, «Faserland», всем газетным и журнальным редакторам сразу и незамедлительно понадобился Крахт, надобится он им и до сих пор. Крахт для Германии больше, чем просто модный, хорошо раскупаемый писатель, он — сорванный голос целого поколения «рассерженных тридцатилетних». Считается, что Крахт, эстет и надменный тип, слишком богат для того, чтобы думать об успехе или крахе своей литературной, профессиональной карьеры, слишком сноб, чтобы любить жизнь больше, чем приносимые ею блага, и слишком буржуазен, чтобы верилось в его многочисленные антибуржуазные манифесты.

— Сравниваете ли вы себя нынешнего, свои успехи и, быть может, неудачи, с тем, чего вы собирались, планировали, мечтали достичь к 30—33 годам, когда вам было 18—20? Велико ли это расхождение мечтаемого и достигнутого?

— Я никогда, никогда так не думал далеко «вперед». Когда мне было двадцать, я не размышлял о будущем. Я тогда вел счастливую жизнь в Америке, изучал феминистскую и марксистскую теории, воровал мармелад, белый хлеб и банки с супом из пригородных супермаркетов в Пенсильвании (денег было на нуле), катался ночами на поездах, курил ментоловые сигареты, носил башмаки с очень острыми носами. Я не думал, что жизнь потом станет другой. Мне хотелось иметь подружку с каштановыми волосами. Может быть, я боялся исчезновения этого бескрайнего американского горизонта — казалось, что ты нигде, что ничего нет за мягкими очертаниями пенсильванских холмов, что нет ничего интереснее впереди, чем мол, несколько желтеющих вдали за кусочных «Бургер Кинг», церк

ви 60-х годов у дороги, которые напоминают космические корабли, что дальше будет все такой же бесконечный пригородный ландшафт. Тогда не было мутантов. И все же я был тогда совершенно счастлив, как и сейчас.

— Почему почти любое подведение итогов, ревизия своей жизни, которой подвергает себя и герой вашего романа «Faserland», сопряжены с грустью?

— Мне это неизвестно.

— Откуда у вас родилось желание выразить себя не только в романной форме, но и в режиссурном жанре манифеста? Расскажите историю создания книги «Королевская грусть».

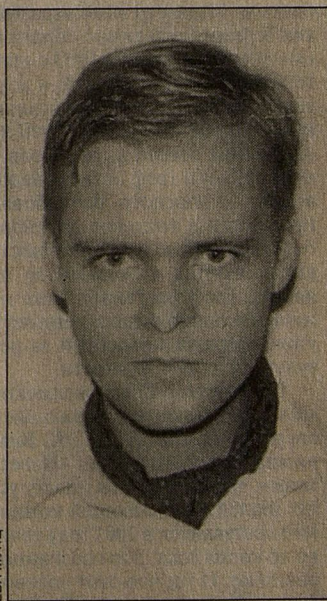
— «Королевская грусть» была задумана как исследование природы нашего поколения посредством бесед между пятью молодыми писателями в берлинском отеле «Адлон». Это очень немецкая книга — очень мрачная, «тевтонская» (отчего возникает комический оттенок) и по сути почти нигилистическая по результатам. В конце книги действие происходит в Пномпене, Камбоджа. Иоахим

Самый главный из них, «Королевская грусть», написанный в соавторстве с друзьями по «поп-культурному квинтету», такими же успешными и модными молодыми писателями, проводит ревизию культурных ценностей, скопленных в послевоенной Европе, частью сдавая их в утиль, частью утаскивая в свои кладовые. В этой книге Крахт предрекает нашествие на Европу с экс-социалистического Востока новой разрушительной орды «в трениках». Признавая, видимо, свое заблуждение по поводу пропасти между новой Германией и новой Москвой, Кристиан КРАХТ сделал для обозревателя «Известий» Станислава ГРИДАСОВА одно из считанных исключений. Изучив присланные по электронной почте вопросы, он написал, что ему будет очень интересно ответить на них.

Бессинг (это по его задумке была написана «Грусть») и я в день окончания этих бесед полетели в Пномпень, оставив наших трех товарищей пререкаться между собой в Берлине, и погрузили свои литературные «я» в своего рода ритуальную очистительную купель, сменив, если хотите, впечатления от жизни в ритуализированной и причудливой фашистской эстетике Prada на нечто еще более ужасное — наследие Пол Пота.

— Логомания, «ярлычковая болезнь», которой подвержены ваши герои, да и вы, кажется, тоже, уже разъедает и московско-питерского жителя.

— «Ярлычковая болезнь», от которой пытается укрыться молодой повествователь в «Faserland», — это нечто средневековое в том смысле, что, как алхимия, закрыто для непосвященных. Ярлычки — это как яйца Фаберже. Они самоосуществляются, сами себя творят. Это золотой кубок, к которому нельзя прикасаться и который в сущности нельзя познать. Можно кидать яйца в этот кубок, но они будут разбиваться и стекать на дно.

— Читаете ли вы «глянцевые», гламурные журналы, которые учат нас жить, одеваться и покупать золотые яйца?

— Да, я рабски им предан. По-моему, нет лучшего способа достичь совершенной свободы, чем ежедневное чтение глянце-вых журналов. Больше всего я люблю Vogue Bambini, где пятилетние дети надевают самые немислимые наряды и разгуливают, как наркоманы, торчащие на героине.

— В манифесте сказано, что «Королевская грусть» — это часть огромного общего текста, который рождается в настоящее время, и названы имена Брета Истона Эллиса, Мишеля Уэльбека, Дэвида Финчера. Какими именами, книгами, фильмами, дисками обогатился этот «общий текст» за время, прошедшее со дня вашей встречи в берлинском отеле «Адлон»?

— Наверное, нет текста, имеющего более прямое отношение к тому «общему тексту», о котором вы говорите, чем фильм Финчера «Бойцовский клуб» — там несколько людей, чьи чувства и самоощущение стали объектом франчайзинга, а сами они превратились в какие-то модели самих себя с маркой IKEA, просыпаются, выбрасывают всю эту дрянь — одеколон Gucci, мусор от Prada, который их окружает, — и начинают изо всей силы колотить друг друга по мордам. Я очень удивился, что в Голливуде сделан такой по-настоящему подрывной фильм — он ставит под вопрос саму ткань существования большинства знакомых мне людей, включая, должен сказать, и меня самого. И было приятно ощутить, как это ставится под сомнение, — так же, наверное, как было бы приятно нанести себе множество порезов, чтобы показать себе, что ты жив.

Вот что мне показалось чудесным среди недавно открытых мною новых вещей: американский писатель Уильям Т. Воллман, немецкий писатель Инго Нирман, фильм «Королевская битва» японского режиссера Фукасаку Киндзи, роман «Машина «Мы» немецкого писателя Иоахима Бессинга, который вскоре должен выйти и по-русски, фильм «Мальчики-пауки» немецкого режиссера Евы Мунд, книга «Век проволоки и струны» американского писателя Бена Маркуса.

— К сборнику молодых немецких писателей, который вы готовили к публикации, предпослан эпиграф о конце иронии. Что для вас в литературе, жизни самое серьезное, важное?

— Ну, все это на самом деле делалось главным образом как шутка, без всякой глубокой

мысли. Интеллектуализация того, чем занимаюсь я и чем вроде бы занимаюсь мои современники и друзья в Германии, — это в своем роде медиа-конструкт; критики создали метатекст, который ранее не замыслился. Это имеет право на существование, но я не вижу в этом ничего особо важного для моей работы — это все такая вот сложная шутка, притворство. Вот что, мне кажется, могло бы дать мне самое большое счастье — соорудить какой-то колоссальный розыгрыш, шутку, которую можно было бы по-всякому интерпретировать, но на самом деле она была бы совершенно пустая. Мне кажется, хорошее искусство — это такое, от которого улыбаешься, а потом, когда придешь домой и подумаешь, раздражаешься смехом. В идеале где-то там должно быть такое же восприятие, как у Малькольма Макларена и Марселя Дюшана. Использовать (или развенчивать) иронию — это на самом деле способ добиться нужного тебе результата, так же, как мы — в телевидении — используем принципы квантовой физики, чтобы оказываться где хотим, не отправляясь в путешествие.

— Насколько я могу судить, вы любите путешествовать. Хотели бы вы побывать, например, в самых глухих уголках Сибири, где на протяжении сотен километров не найти ни одного банкомата и где карточка VISA, эта златоглавая королева наших двух стран, становится совершенно бесполезным куском пластика?

— Да, это было бы самое классное. Это было бы игровое шоу, real-TV, как на телевидении, но я бы не смог его смотреть, потому что телевизора у меня нет.